

Гефсиманский подвиг Иисуса Христа

Все до сих пор виденное и слышанное нами было только приготовлением к великому крестному подвигу Сына Человеческого. Теперь откроется перед нами само поприще Его страданий, единственное, беспримерное, Божественное, откроется самым необыкновенным образом – не постыдным преданием Учителя в руки врагов вероломным учеником Его, а возвышенным самопреданием Сына Божьего в руки правосудия небесного, карающего в лице Его все неправды земные.

КРЕСТУ ТВОЕМУ ПОКЛОНЯЕМСЯ ВЛАДЫКО....

Глава 14 из книги «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа»

После столь мирного и благодушного состояния, в котором находился Богочеловек, беседуя с учениками, после торжественных слов: «Ныне прославися Сын Человеческий! да будут все едино, якоже Мы!» – можно было ожидать, что это самопредание, при всей важности его, совершится без усилий и потрясений, тем бо-

лее без воплей и пота кровавого.

Но мы увидим другое, противоположное: узрим Сына Человеческого как бы наконец преклоняющимся под бременем собственного величия, со смирением отрекающихся от всех сил, которыми Он может действовать, от прища действия; узрим Иисуса, троекратно повергающегося на землю с молитвой о том, чтобы, если возможно, прошла мимо Него та самая чаша, которую Он,

«прежде сложения мира» (1Пет.1:20), решился испить без остатка для спасения погибающего рода человеческого!..

Зрелище изумительное, находящееся в разительной противоположности с прочими деяниями Сына Человеческого и потому со-

вершено непонятное для тех, которые захотели бы остановиться на букве события, видимо убивающей (Гал.10:5), и разуместь его в отрывистом виде, без отношения ко всей тайне искупления, к целому плану спасения человеческого, но чрезвычайно трогательное, поучительное, величественное для того, кто умеет поставить себя в надлежащее положение благоговейного зрителя и будет взирать на молящегося Икупителя человеков не очами соглядатая иудейского, так сказать, из-за дерева вертограда Гефсиманского, как это, к сожалению, было не раз, а с богосветлых высот Фавора и Елеона, очами евангелистов и апостолов Христовых, то есть очами веры и истины.

С истинной точки зрения рассматриваемый подвиг гефсиманский не только не заключает в себе никакого противоречия Божественному характеру Спасителя рода человеческого и Его служения, но принадлежит ему, как необходимая часть, и притом важнейшая, – к целому.

Для убеждения в этом не нужно обращаться ни к каким произвольным догматическим предположениям; надо только войти в самый характер лица и служения Богочеловека как Главы и Спасителя рода человеческого, как Икупителя и Примирителя всего мира, как Началовождя и Образца всех искушаемых и спасаемых. В этом отношении, по глубокому замечанию св. Павла (Евр.11:10), Икупителю человеков надлежало претерпеть все и «быть искушену по всяческим».

Но искушения, которым подлжит род человеческий, естественно, все сводятся к двум видам: искушению удовольствием и искушению страданиями. Первое искушение во всех трех главных его видах Сын Человеческий прошел при самом начале Своего служения, когда в пустыне после сорокадневного поста был ис-

кушаем от дьявола. Второе, тягчайшее, искушение страданиями, предстояло теперь.

Чтобы истощить всю силу и ярость его над всемирной Жертвой, оно правосудием Божественным было разделено, так сказать, на два приема: гефсиманское и голгофское.

На Голгофе встретил Сына Человеческого крест более внешний, ужасный сам по себе и окруженный всеми внешними ужасами, но открытый для взора всех, самих врагов Иисуса, потому и переносимый с видимым величием, подобающим Агнцу Божьему на самом жертвеннике, не открывавший тех сторон искушения и страданий, перенесение которых, сопряженное с выражением немощи человеческой, не могло быть показано нечистому взору всех и каждого.

И вот этот-то внутренний крест, или точнее, эта-то сокровеннейшая и, может быть, мучительнейшая половина креста встречает Божественного Крестоносца в уединении вертограда Гефсиманского и обрушивается на Него всей тяжестью своей до того, что заставляет преклониться к земле и вопиять: «Если возможно, да мимо идет чаша!»

На Голгофе страждущее тело приведет в страдание дух; здесь страждущий дух заставит истекать кровавым потом пречистое тело. Недоступный нечистым взорам человеческим, Сын Человеческий как бы разоблачится здесь совершенно от всех сверхъестественных сил, останется с одной волей человеческой и, вооруженный одной молитвой и преданностью в волю Отца, изыдет, как второй Адам, на борьбу с тягчайшим искушением.

Как образовалось это искушение? Евангелисты, следуя своему образу простого повествования, не поднимают завесу, закрывавшую Святое Святых души Иисусовой в эти решительные мину-

ты, довольствуясь передаванием тех кратких слов, которые были слышны от Него и которые мы услышим при повествовании о самом подвиге.

Из этих слов однако же видно, что предмет искушения и борьбы внутренней состоял в представлении крайней трудности испить чашу наступающих скорбей и болезней, в уверенности, что в безднах премудрости и всемогущества Божьего есть средство пронести, если не навсегда, то на этот раз чашу мимо, то есть или отсрочить ужасный час страданий, или умалить лютость их, и наконец, в происходящем отсюда сильном естественном желании, чтобы все это было сделано.

Что же было в этой ужасной чаше и делало ее настолько нестерпимой и гнетущей в настоящие минуты для Самого Подвигоположника спасения? Обыкновенный, естественный страх мучений и смерти?

Так думали и думают многие, но без твердого основания. Справедливо, что мучения составляют великое искушение для всякой плоти человеческой; неоспоримо и то, что мучения должны были быть несказанно более тяжки для пречистой плоти Искупителя человеков, которая, как непричастная греху и расстройством, от него происходящим, как соединенная притом естеством с самым Словом Предвечным и отсюда черпавшая всю полноту совершенств телесного бытия, естественно, особенно отвращалась от всякого насилия и терзания и была стократ чувствительнее к мучениям.

Но, с другой стороны, разве не шли многие из последователей Христовых на самые жестокие мучения с радостью и не переносили их благодушно? Ужели же не хватило бы мужества для перенесения телесных страданий в Том, от Кого все прочие страдальцы почерпали свое мужество? А что всего важнее в настоя-

щем случае, кто сказал, что Богочеловек скорбит смертельно в саду Гефсиманском именно от страха одних мучений и одной смерти, а «не другого чего-либо большего»?

Сам страждущий не говорит этого: Он молится только: «да мимо идет чаша» (Мф.26:39) «и час» (Мк.14:35); – выражения, которые означают вообще все мучительное и ужасное. В чем же именно состояло теперь это мучительное и это ужасное?

Если нельзя исключить из него обыкновенного страха мучений и смерти, то нельзя и ограничивать его этим страхом уже потому, что крест Иисуса был не крест только Учителя истины, умирающего за верность Своего учения; не крест только гонимого Праведника, умирающего в сладком сознании Своей невинности, а крест Того, Кто не на словах только, а на самом деле принял на Себя все грехи рода человеческого, Кто не именем, а делом соделался за нас предметом гнева небесного, самой клятвы законной (Гал.3:13).

В этом смысле, за верность которого ручаются и дух, и буква всего писания, страдания и смерть Сына Божьего были страдания и смерть, ни с чем не сравнимые по их важности и тяжести, потому мучительнейшие, труднейшие для Него Самого. Это, говоря без всякого преувеличения, было совмещение всех страданий и всех смертей всех людей. Одни страдания совести, большей частью вовсе забываемые при размышлении о страданиях Сына Божьего, должны иметь лютость мучений адских.

Ибо если самый грубый человек изнемогает нередко от терзаний пробудившейся совести, мучимый представлением одной его греховной жизни, то какое мучение должно было быть для пречистой души Богочеловека, когда она в сознании своем представила себя покрытой грехами всего мира и в таком виде, со всей

тяжестью их, должна была идти для искупления их своей кровью на крест?..

Это-то самое, то есть что чаша предстоявшего страдания и смерти была растворена, преисполнена грехами человеческими, проклятием закона и гневом небесным, делало ее такой ужасной и мучительной. В таком только виде (а он не изобретен нами, а взят из Ветхого и Нового Заветов – Ис.53:5–6; 1Пет.2:24; Гал.3:13) чаша эта, дерзаем сказать, стоила того, чтоб, явившись взору Богочеловека, заставить Его Самого обратиться от правосудия к милосердию Божественному.

Но здесь может встретить кого-либо новое недоумение. «Как бы ни была велика, горька и мучительна чаша страданий, но когда Сын Человеческий на то родился и на то пришел, чтобы испить ее, то каким образом Он будет молиться теперь о Своем избавлении от нее? Не знак ли это несовместной с таким предназначением слабости? Не лучше ли было бы, если бы Он принял эту чашу с мужеством, подобным тому, с которым потом предаст Себя в руки врагов?» – Нет, не лучше, нисколько не лучше...

Тому, Кто должен был претерпеть все до последней крайности, или, говоря словами апостола, «быть искушенным по всяческому», по тому самому надлежало пройти искушение страданиями в самом крайнем его виде, приблизиться к последним пределам немощи человеческой и испытать ее.

Но можно ли сказать, что это последний предел искушения, если бы Сын Человеческий вдруг принял ужасную чашу страданий внешних и внутренних? Тогда, напротив, всего скорее можно бы подумать противное, что она не была страшна для Него и что принятие ее не стоило больших усилий.

Основательнее можно спросить, каким образом на этот час мужество оставило душу Иисусову? Как Он мог умалиться в меру последнего страдальца? Для некоторого понимания этой священной тайны, кроме ужасного свойства самой чаши страданий, теперь Ему представившейся, нужно предположить особенное распоряжение премудрости и правосудия Божественного, приведших Сына Человеческого в такое состояние, что в Нем обнаружилась немощь естества человеческого настолько, насколько могла обнаружиться без потери нравственной чистоты и достоинства.

В чем состояло это таинственное распоряжение? Во-первых, без сомнения, и более всего в сокрытии Божества от человечества, в предоставлении последнему действовать одними своими силами. Мы услышим, как на кресте Божественный Страдалец будет молитвенно вопиять: «Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил!»

Илья Глазунов. Иисус Христос в Гефсиманском саду

Что подобное оставление было и теперь, об этом свидетельствуют слова: «не Моя, а Твоя воля да будет! Сын, сый в лоне Отчи»,

не сказал бы так Отцу; ибо Они «едино суть»; так мог говорить только Сын Человеческий. Свидетельствует и ангел укрепляющий: не явился бы ангел, если бы не оставил Отец.

Но поскольку человеческая природа в Сыне Человеческом сама по себе была так чиста, свята и потому так сильна на все благое, так мужественна против всего злого, что в «естественном своем состоянии» могла сама по себе легко одержать победу над настоящим искушением без долгой и трудной борьбы, то продолжительность и лютость этой борьбы заставляет предполагать, что и по человеческому естеству великий Подвигположник в продолжение настоящего подвига тайным предраспоряжением Правосудия небесного выведен был из Своего естественного возвышенного состояния, низведен в состояние низшее, приведен в равенство с положением самого последнего из людей искушаемых. Каким образом? Это – тайна Провидения!..

Мы не выйдем однако же из круга евангельских указаний, если скажем, что в отягчение сего внутреннего креста, в усиление этого внутреннего огня искушений, по всей вероятности, дано было действовать, как слуге (хотя он воображал себя господином), и князю мира, подобно как он действовал некогда на испытании добродетели Иова (Иов.2:6).

Ибо не мы ли слышали, как в конце вечера Божественный Страдалец сказал: «Грядет мира сего князь», – и после этого, можно сказать, прямо пошел навстречу ему? Где было место этой таинственной встрече, как не здесь, в Гефсимании, и чем она могла выразиться славнее, как не таким подвигом?

Искупитель человеков, как мы уже заметили, дошел, вернее, был доведен в этом подвиге до последней степени истощения не телесного только, но и душевного; в Нем попущено обнаружиться всей немощи естества человеческого; как однако же чисто, свято

это обнаружилось! Как удалено от Него все, способное унижить характер Спасителя человекoв!

Мы не видим пламенного энтузиазма, ни холодного, сурового мужества в принятии и усвоении чаши страданий, но нисколько не видим и малодушного отречения, тем более ропота на Свой жребий.

Слабость плоти вопиет: «Аще возможно, да мимо идет чаша!» – но преданность духа в волю Божью постоянно повторяет: «Обаче не Моя, но Твоя воля да будет!» Можно ли теснее и святее сочетать немощь плоти с силой духа? – Не это ли верх совершенства человеческого в состоянии крайнего искушения?

«Нигде, – признается блаженный Августин, – не поражают меня столько величие и святость Иисуса, как здесь, где многие ужасаются и недоумевают. Я не знал бы всей великости Его благоденний, если бы Он не обнаружил передо мной, чего они стоят Ему. Он испытал мою скорбь, дабы даровать мне Свою радость. Смело говорю: «скорбь»; ибо проповедую «крест». Надлежало претерпеть борьбу и болезнь: иначе не было бы и победы. Бесчувствие всегда ниже самоотвержения; Иисус хотел научить нас, как побеждать страх смерти.

В самом деле, если бы мы не зрели нашего Спасителя в саду Гефсиманском, то могли бы подумать, что страдания для Него не стоили ничего или весьма мало; что Божество, с Ним соединенное, делало Его бесстрастным. Тогда все советы к подражанию Ему, по необходимости, лишились бы той силы, какую они имеют ныне: пример «бесстрастного» был бы превыше нас – страстных. Но теперь мы видим капли кровавого пота, слышим вопли: «да мимо идет чаша»; знаем, как она горька – и благоговеем к Тому, Кто испил ее за нас.

Пусть и с нами случится искушение: мы не будем сгорать «внутри» и казаться «снаружи» хладными; не будем благословлять свою судьбу языком, тогда как сердце проклинает день своего рождения; нет, мы предоставим это мнимое бесчувствие, это противоестественное двоедушие последователям какого-либо Зенона; станем перед изображением молящегося Иисуса, посмотрим на чашу, сходящую свыше, повергнемся в прах перед Отцом Небесным и словами Единородного скажем: «да мимо идет и от нас чаша сия; однако же не как мы хотим, но как Ты: да будет воля Твоя!» Отец узнает язык Сына, если сердце наше не изменит этому языку, услышит молитву нашу, как услышал моление Единородного; и спокойствие совести, тишина сердца будет для нас вместо ангела укрепляющего.

Таковыми очами учил взирать на страдание Иисуса в саду Гефсиманском и св. Павел, когда в утешение бедствующих христиан писал, что мы имеем не такого Архиерея, который не может страдать с нами в немощах наших, но Который, подобно нам, испытал все, кроме греха (Евр.4:15).

Богосвещенный учитель истины не усомнился даже назвать гефсиманское страдание Иисуса Христа «совершением» всех предшествующих и последующих Его страданий, таким подвигом, в котором решительно обнаружилось, что Сын Марии достоин быть вождем спасения для сынов Адама, таким «опытом», после которого уже не осталось ничего прибавить к совершенству нашего Подвигоположника. Оставалось только Ему Самому, яко Первосвященнику по чину Мелхиседекову, войти во Свята Святых и начать Свое вечное приношение за грехи рода человеческого.

Огражденные этими мыслями, дерзнем вступить теперь вслед за святым обществом Иисусовым в вертоград Гефсиманский, чтобы

быть зрителями величайшего подвига Сына Человеческого, Его Божественного, можно сказать, самораспятия.

После трудов целого дня, после продолжительной беседы с учениками и некроткого путешествия из пасхальной горницы в Гефсиманию, перед наступлением ужасных страданий некоторый отдых был совершенно необходим для Иисуса. Вертоград Гефсиманский был вполне удобен и для того, по-видимому, избран. Но не успокоение, а страдание ожидало здесь Сына Человеческого. Еще не преданный врагам среди учеников и друзей Своих, Он должен был претерпеть то, чему летописи страданий человеческих не представляют примера...

Внутренний сладчайший мир, из ощущения которого сама собой излилась сладкая беседа Иисуса с учениками, внезапно исчез; светлые и утешительные виды Царства Божьего, какими постоянно исполнена была святейшая душа Его, затмились; воображение устремилось в область мрачного и ужасного; Иисус начал скорбеть и тосковать!..

Может быть, и внешние причины (истощение телесных сил, ночное путешествие через долину потока Кедрского и проч.) в какой-то мере вызвали это уныние духа; но главный источник его скрывался в самом духе Иисуса – в тех мыслях и ощущениях, которые мы под руководством евангелистов и отцов Церкви, старались раскрыть, по возможности, в предшествующем размышлении.

Этим мыслям и чувствам по тайному распоряжению Провидения дано было возмутить теперь ум и сердце Божественного Страдальца до того, что Он, по крайнему смирению Своему, как будто не находил в этот раз столько сил, чтобы изыти на высокое крестное поприще с величием и мужеством, необходимыми для «Посредника Бога и человеков».

Состояние самое скорбное для Того, Кто пришел на землю, чтобы всегда творить волю Отца, несомненно знал, что по этой воле Ему должно пролить кровь Свою на Голгофе за грехи людей, и был уверен, что теперь именно наступило predetermined время принести эту жертву!..

Не находя для успокоения Своего духа сил в Самом Себе, Иисус обратился с молитвой к Отцу. Когда-то во время нее просветлело лицо Его на Фаворе (Лк.9:29); от нее должен был просветлеть теперь и смущенный страхом креста дух Его.

Сказав ученикам (не более, чем было нужно им знать), чтобы они остались на известном месте (Мф.26:36) и подождали Его, пока Он помолится, Иисус пошел далее в глубину вертограда, пригласив следовать за Собой Петра, Иакова и Иоанна. Видев славу Его на Фаворе, ученики эти были способнее других видеть и уничижение Его в Гефсимании.

Между тем, близость трех чистых душ могла служить отрадой для Того, Кто из любви к человечеству шел на крест. Еще отраднее была бы их молитва, если бы они могли молиться подобно своему Учителю.

Господь раскрыл перед учениками все сердце Свое. «Душа Моя, – так говорил Он, – прискорбна до смерти! Побудьте здесь, бдите со Мной и молитесь!..» Такой язык был совершенно нов и неожидан для учеников, которые привыкли видеть Учителя своего всегда мирным и благодушным.

Не охватывая однако же мыслью всей важности настоящих минут, они не могли чувствовать и всей нужды в молитве: принялись за это святое дело, но так, что Богочеловек вскоре ощутил, что и это малое общество не соответствует состоянию Его духа, и, оставив учеников, углубился в чащу дерев, на расстояние брошенного камня (не так далеко, чтобы ученики при сиянии луны не могли Его видеть).

В этом-то уединении должна была окончательно решиться судьба человечества, как ему быть спасену от греха и смерти: настоящим ли образом, то есть крестной смертью Богочеловека, или другими неведомыми путями, сокрытыми в бездне Премудрости Божьей, и в то ли самое время, когда совершилась тайна нашего искупления, или в другое, после.

Несмотря на молитвенное расположение духа Иисусова, скорбь и смущение становились сильнее и сильнее. Ко множеству мучительных чувств и мыслей, возникших в душе при появлении перед умственным взором ужасной чаши гнева Божьего, грехов человеческих, проклятия и мучения, за ними следующих, к довершению искушения, присоединилась живая, неотразимая мысль, что в безднах Премудрости Божьей есть средства спасти людей, не вознося на крест Сына; тем более есть средства отнять у этого креста хоть немного его нестерпимой лютости (или отложить казнь на другое время)...

Источник этой мысли был там же, откуда брали свое начало все прочие святые мысли и чувства Богочеловека – в Его беспредельном ведении всемогущества и премудрости Отца Небесного, в Его твердой уверенности, что Он всегда поступает со Своими чадами по закону свободной любви, исключаяющей всякую невольную необходимость. Глубочайшее смирение Богочеловека, не увлекаемого славой, готовой последовать за Его страданиями, еще более усиливало мысль, что Отец может совершить Свое предопределение, так сказать, без Его человеческого содействия...

Что оставалось делать сердцу среди этой борьбы мыслей и чувств, из которых каждое было так же сильно, как само по себе благовидно, законно и свято?

Мудрецы мира, философы с нравственностью стоиков, вы, может быть, сокрыли бы в себе подобные чувства; то есть остались бы во внутреннем аду, в то время как один молитвенный взор на небо мог бы извлечь из него. Но великий Страдалец гефсиманский был превыше надменного и неестественного великодушия. Смущенный, покрытый потом, Иисус падает на колени, повергается на землю и вопиет: «Отче Мой, аще возможно» (Тебе вся

возможна суть), «да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты; да будет воля Твоя!».».

Ответа не было!.. Отец как бы не внимал Сыну! И душевное томление не прекращалось. Напротив, с пречистой душой начала страдать и чистейшая плоть. Великий Потомок Давида вошел в то состояние, когда Его праотец вопиял: «Болезни адовы обыдоша мя».

В душевной скорби, не получая ответа от Отца, Иисус прекращает молитву и идет к ученикам, чтобы утешиться вместе с ними общей молитвой. Но они спят. Усталость взяла свое, так как апостолы, несмотря на все предсказания Учителя, еще не вполне представляли что их ожидает, и потому не страшились будущего. Если бы они провидели крест Иисусов со всеми его ужасами, то, конечно, не заснули бы в такой момент; а мы часто предаемся сну, гораздо худшему, несмотря на то, что хорошо знаем, чего стоили наши грехи Сыну Божию.

Странно, однако же, было видеть, как сам Петр, за час перед тем обещавший положить душу за Учителя, не устоял против обыкновенной слабости. «Симон, и ты спишь, – сказал Господь, – так ли вы не могли пободрствовать со Мной и одного часа? Бдите, – продолжал Господь, взглянув на двух прочих учеников, разбуженных Его приходом, – бдите и молитесь, да не увидите в напасть. Дух бодр, но плоть немощна». Эти слова звучали так, что было видно: они изливаются из растерзанного печалью сердца.

Просьба к ученикам о молитве и бдении была вызвана кратковременным покоем, осенившим дух Христа. Но мелькнула новая мрачная мысль, нарушив душевный покой и заслонив в воображении Богочеловека предвечную волю Отца сильным порывом смущения и скорби. Отойдя от учеников, Он опять стал на колени и погрузился в молитву. Он молился о том же, что и раньше, но

уже с другим чувством. «Отче», – молился Иисус, – «аще не может чаша сия мимо ити от Мене, аще не пию ея: буди воля Твоя!» (Мф.26:42.) – Последовала перемена: вместо прямой молитвы об удалении чаши страданий звучит убеждение в святой необходимости креста в настоящем виде и в настоящее время; забыта мысль «вся возможна Тебе», которая была главным источником искушения; преданность в волю Божию выражается живее и полнее, а собственное желание заметно слабеет переходя в полную покорность небесным определениям.

Но и эта молитва осталась без ответа, потому что он был не нужен Единородному Сыну Божию. Он должен был Сам изречь Себе ответ, вознесшись – через самоотвержение – до той высоты духа, того единения с Отцом, при котором исчезает всякое сомнение и даже прошение, остается единая святая воля Божия.

Изнемогая под бременем внутреннего креста, Иисус опять идет к ученикам, все еще надеясь, по чрезвычайному смирению Своему, найти поддержку и утешение в их молитве; и опять находит их спящими!.. Борьба нового Израиля с Богом должна была произойти без свидетелей, в ней не было места помощникам. «Един истоптал точило гнева Божия, от язык не бе мужа со Мною»! – так воспевал еще Исаия, провидя страдания Мессии.

Ученики пробудились, но одного взгляда на них достаточно было, чтобы понять что они неспособны к молитве. Евангелист Лука (Лк.22:45) замечает, что они спали от печали; а святой Марк (Мк.14:40) добавляет, что глаза у них отяжелели, и они не знали, что отвечать. Состояние сонного расслабления, которое весьма трудно бывает преодолеть, известно всякому по опыту.

Оставив учеников, Иисус в третий раз обратился от земли к небу и, будучи в борении, по замечанию евангелиста Луки, молился еще прилежнее (Лк.22:24).

Слова произнесены были те же, что и раньше, но чувства окончательно изменились. Дух человеческий не может долго колебаться между противоположностями, он обязательно склонится на какую-нибудь сторону. Тем более невозможно это в такой молитве, как молитва Иисуса. «Буди воля Твоя», – произнесенное в третий раз, уже было выражением решительной победы.

Чем более укреплялся дух, тем слабее становилась плоть. Телесные силы Богочеловека пришли в такое изнеможение, что Его томление равнялось предсмертным мукам, а выступивший пот, по словам евангелиста Луки, был подобен каплям крови, падающей на землю, – выражение очень емкое даже в переносном смысле, а тем более в буквальном: в летописях встречаются изредка примеры страданий до кровавого пота.

Такое усилие могло стоить жизни Сыну Человеческому или лишить Его сил перенести наступающие страдания с подобающим Ему величием. Теперь на Единородном Сыне должно было исполниться, обещанное прочим чадам, чтобы показать, что любовь Отца Небесного не попускает никому искушаться сверх сил. И вот, вместо ответа на молитву, предстал ангел для укрепления Иисуса, – предстал так, что и находившиеся вблизи ученики могли заметить, что кто-то тайно беседует с Учителем.

И. С. Никитин. "Моление о Чаше"

Ангел, конечно, прежде всего старался укрепить дух Иисуса. Человеческая природа такова, что одна мысль, мелькнувшая в памяти, может прогнать смущение и вернуть покой. Впрочем, поскольку томление духа так ужасно отразилось и в теле, которое изнемогает вместе с духом, но не так скоро восстанавливается, как оно, то ангельское утешение, без сомнения, касалось и телесных сил Богочеловека.

Иисус укрепляется ангелом! Вы, чувствующие всю силу слов: «Сын Божий, Ходатай Бога и человеков, Начальник и Совершитель спасения Человеческого», – вам понятно, какая бездна таин заключается в этих немногих словах!

Провидению неугодно было открыть нам, кто из небожителей удостоился совершить это единственное Божественное служе-

ние. Но кто бы ни был этот блаженный дух, мы обязаны ему вечной благодарностью: укрепив Начальника нашего спасения в такие решительные минуты, он тем самым укрепил каждого из нас...

Искушение кончилось совершенной уверенностью в благотворной необходимости креста, со всеми его ужасами, и притом именно сейчас. После этого Богочеловек снова обрел ту твердость духа, которая отличала Его всю жизнь, среди всевозможных опасностей и лишений и останется с Ним во время страданий.

Так обыкновенно бывает с искушаемыми: чем сильнее борьба, тем более укрепляется ею дух.

Святитель Иннокентий Херсонский

